

Господь даст силы

*Память святого мученика Иоанна воина;
суббота 9-й седмицы по Пятидесятнице*

Мф., 69 зач., XVI, 22-28;

Мф., 64 зач., XV, 32-39

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Сегодня мы слышали два евангельских чтения: одно — памяти мученика Иоанна воина, второе — сегодняшнему субботнему дню. В первом чтении говорится: *Аще кто хощет по Мне ити, да отвержеться себе, и возьмет крест свой, и по Мне грядет... Кая бо польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщети́т?*

В сущности, здесь сказано все. Вот тот так называемый смысл жизни, который люди пытаются понять, уяснить для себя. Он заключается в несении креста.

Господь каждому дает свой крест. Святые отцы говорят, что древо креста вырастает на почве сердца человека. Это значит, что каждому человеку посылаются такие обстоятельства, которые полезны для его души. Он только должен стараться их принимать и извлекать из них соответствующую пользу.

Господь дает каждому свой характер, свои дарования, и все это человек должен использовать: над характером — трудиться, дарования употреблять во славу Божию. Как сказано: *мудрствуяй день, Господеви мудрствует, и не мудрствуяй день, Господеви не мудрствует* (Рим. XIV,6). То есть, дана тебе мудрость, дано тебе разумение — во славу Божию пользуйся ими. Не дано тебе — возблагодари Бога и во славу Божию живи так, как тебе Господь дает понимать, этого достаточно. Потому что здесь каждый выполняет свое назначение на путях Промысла Божия. Воздаяние же — от Бога, в будущей жизни, а все, что здесь есть — это только подготовка к ней.

Действительно, если не признавать будущей жизни, если нет в нее веры, то жизнь человека здесь, на земле, совершенно бессмысленна. Один человек умирает в расцвете лет, иной — совсем в младенчестве, другой, негодяй, благоденствует, а добрый человек всю жизнь как бы мучается (в земном смысле). Здесь все непонятно: почему так? Почему этот живет, а тот не живет? А тому жить бы: какой хороший человек, сколько добра бы сделал, а так и не успел ничего...

Все эти вопросы, которые возникают в жизни, имеют только один ответ: все посылается здесь человеку для того, чтобы он нес свой крест, то есть как-то трудился. И все, что здесь происходит — это

для будущей жизни, подготовка к ней.

И если у человека на первом месте стоит будущая жизнь, бессмертная душа, тогда ему все понятно. Тогда все просто. Тогда ничто происходящее в этой жизни не приводит человека в уныние, а тем более в отчаяние. Ну и что? Значит, так надо. Как сказано: *Аще живем, Господеви живем. Аще же умираем, Господеви умираем* (Рим. XIV, 8). Если Господь забрал из этой жизни, значит, Его святая воля. Если оставил — Его святая воля: даст жить.

Когда-то в беседе отец Сергей (Царствие ему Небесное!) сказал:

— Какое время приближается, как страшно! Скорей нужно уходить.

Действительно, страшно жить-то: какое время тяжелое в духовном смысле. Я спрашиваю:

— Батюшка, а нам как же?

— А вам, если Господь оставит, даст силы.

Все просто. Если Господь оставит — значит, для чего-то нужен — даст силы. Или заберет. Всё просто.

И когда человек так живет, то всё у него на своих местах. Происходит так — слава Богу, иначе — тоже слава Богу.

И вот это состояние души, которое прежде всего имеет в виду будущую жизнь и Промысл Божий, эта постоянная вера дает опору в любых обстоятельствах жизни. Что бы ни было, человек всегда спокоен.

Когда человек принимает крест, данный ему Богом («Господь лучше знает, что мне нужно»), он, по слову Господню: *Возьмите́ и́го Мое на себе, и научите́ся от Мене́, яко крѹток есмь и смиренъ сердцем, и обрѹщете покой душѹм вашим* (Мф. XI, 29), — обретает душевный покой. Его ничто не возмущает. Не то

чтобы человек был совершенно безчувственным — нет, это не то. Человеку свойственно реагировать на происходящее. Но реагировать — не чересчур, не предаваясь чрезмерным переживаниям. Не сказано: ничего не делайте, совершенно ничего не имейте на будущее, а сказано: *не пе́чьтесь* (Мф. VI, 25). Попечение — это особое усердие. Не имейте особого усердия.

Вот, ты заботаешься о том, что будет дальше, а твоей жизни-то осталось... Тебе эта забота, может, и не понадобится.

Помню рассказ из нашей обыденной жизни. Распределяли «гумпо» — «гуманитарную помощь». И кому-то дали, а кому-то не досталось. Тот человек переживал: «Вот, всем дали, а мне не дали». А он прожил полтора месяца и умер. И даже то, что у него было-то, ему не понадобилось, не говоря уже о том, что еще бы дали. Еще больше бы после него осталось — только и всего.

Господь нам говорит: *Воззрите на птицы небесныя, яко не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, и Отец ваш Небесный питает их* (Мф. VI, 26).

В сегодняшнем втором Евангелии как раз засвидетельствовано то, что Господь заботится о людях. Видите: они, говорит, голодные. *Милосёрдную о народе сем, яко уже дни три приседают Мне, и не ѓдут, чесо ѓсти; и отпустити их не хошю, да не како ослабеют на пути.* И накормил их. Сказано: *Ядоша вси, и насытисаша.* И даже осталось еще, то есть Господь посылает достаточно, и еще даже больше этого посылает.

Действительно, в жизни всё это мы часто видим и имеем, по милости Божией. Мы просто чаще всего не задумываемся над этим. Вот вокруг только и слы-

шишь: «Ой! Ай!» Все охают, ахают. Но все живут. И у всех кое-что есть. И даже к этому еще кое-что есть — к тому, что необходимо, еще сверх необходимого. Вроде уже — вот-вот-вот, край! И опять что-то есть. И при этом слышишь: «Вы знаете, им уже три месяца зарплату не дают». Это на что же они живут? Совершенно непонятно... Другим полгода не платят — и тоже живут. И у всех: «Очень плохо, очень трудно!» А ведь живут все! Как это объяснить?

Я думаю, Господь питает всех. Не те, кто зарплату платит, и не те, кто не платит. Господь! Действительно, вот как птички живут: они же не планируют ничего, и что-то для них находится. Ну, бывают какие-то особые года, а так, чтобы птицы падали на лету от истощения — такого почти не бывает, все живут и как-то питаются.

Все это говорит о том, что еще в этой жизни Промысл Божий заботится о каждой душе. Поэтому Господь и говорит: *Смотрите крин сѣльных, како растут: не труждаются, ни прядут. Глаголю же вам, яко ни Соломон во всей славе своей облещяся, яко един от сих* (Мф. VI, 28-29).

И, действительно, смотришь на цветы: такая красота! И благоухание какое! И такие переливы цвета! Человек пытается воспроизвести это — и не может, потому что это дано Богом. Но они покрасуются несколько дней и потом завядают, и их выбрасывают. *Аще же сено сѣльное, днешь суща и утре в пещь вметаето, Бог тако одевает, не много ли паче вас, маловери?* (Мф. VI, 30).

Все это обращено к нам. А мы — по-прежнему: «А как же все-таки жить?!» Ну вот, опять, снова здорово. А что ж тебе все эти примеры? Как? Но ведь до

сих пор ты, с Божьей помощью, жил. Так и живи дальше, с Божьей помощью.

Тут, в храме, в основном все, правда, помоложе, но старшее-то поколение знает: была война, послевоенные голодные годы — чем-то питались. Я помню, как мальчиком во время войны ел какую-то траву. Я теперь такой нигде не вижу. А тогда мы, мальчишки, ели ее. Она такая, маслянистая... И еще какую-то траву ели. Хлебушек — это, конечно, было уже очень хорошо, так уже богатые жили...

И все это говорит о том, что люди жили, живут и будут жить, когда Господь будет давать.

И, действительно, всего этого нам было бы достаточно, чтоб укрепить свою веру. И верить, что если в этой жизни Бог так о нас заботится, то в будущей жизни не будет ни греховности, ни всего этого раздора, ни всего этого разора, который есть здесь, на этой земле. Там будет такая радость, такая благодать, что, как преподобный Серафим сказал, если бы келья была наполнена червями и они всю жизнь грызли бы тебя, нужно было бы на все это с радостью согласиться, чтобы только получить ту жизнь, вечную.

Нам нужно веру свою укреплять. Жизнь нам дает для этого достаточно примеров. Мы просто очень быстро всё забываем. Или вообще не обращаем на это внимания. Сначала стонем: «Ой-ой-ой!» Потом проходит — «Ну, слава Богу, ничего». Потом опять: «Ой-ой-ой!» И опять прошло. Всё идет — и проходит, все наши «ой!» И нужно бы нам уже, наконец, привыкнуть к этому. Ну, что ойкаешь? Уж сколько раз Господь избавлял тебя от всех бед — и снова избавит, а ты опять всё — «ой!»

И вот этого-то нам как раз не хватает — простоты, чтобы просто говорить всегда: «Слава Богу!» Чтобы жить в простоте сердца, в благодарности Богу «за бесчисленные содеянные Им благодеяния и всеблагое промысление».

Одна раба Божия, супруга священника — и в тюрьмах-то они побывали, и много всякого горя видали — уже на старости лет, восемьдесят с лишним ей было, сказала:

— Да ведь Господь-то нас так любит! Он ведь нас балует, как малых детей.

И это, действительно, так. Я думаю, бóльшая часть из нас может сказать, не кривя душой, что мы имеем не только необходимое. Что часто балует нас Господь. И тем-то, и этим утешит. И это вкусненькое пошлет покушать, и то, и соленьенькое, и сладенькое, и мороженица-то, и ягодку — сколько всего! От одной только пищи сколько мы утешаемся в этой жизни! А мы, неблагодарные, после этого еще «ой!» пищим. Прости нас, Господи!

Ну, что такого? Ну, иногда что-то поболит немножечко — ну, так ведь нам же нужно это, конечно, чтобы не забываться... А в основном-то сколько Господь нам дает! Мы, слава Богу, и спим-то, и едим, и тепло нам, и сухо, и просторно, и глаз наш радуется то, что вокруг — сколько всего! Сколько, действительно, блага нам Господь посылает! А мы, неблагодарные, опять начинаем ужасаться, все время чего-то боимся. «А вот, смотри, что там творится! А вот, может, будет это и то!» А того, что имеем, не замечаем.

Что будет — то будет. Народ наш говорил: «Бог даст день — Бог даст пищу». С испытаниями, сказа-

но, Господь посылает избытие. То есть, если Господь попускает искушения, то и помощь параллельно идет. Смотришь: какая-нибудь болезнь посетила — а потом и врач хороший нашелся, и лекарство нужное оказалось под рукой, кто-то вдруг достал... Это всё — не «вдруг», конечно, а всё это — помощь Божия, забота Божия, которая на нас изливается. Бóльшую-то часть креста Господь на Себя взял, а нам остается маленькая. Так что эту часть, маленькую, мы помаленьку, с Божией помощью, постараемся нести. Потому что для нас это спасительно.

Сказано: *Кая бо польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит?* (Мф. XVI, 26). Мы всего мира не имеем. И ради Бога мы всего мира не теряем. Мы ради Бога еду какую-нибудь или какие-нибудь тряпки, и то отдать не хотим. Если что-нибудь и потеряем, чего-нибудь малого лишимся — со всем миром разве это можно сравнить? Сколько всего есть в мире! Если бы и всё в мире было наше — и то ради пользы для души не стоило бы всего этого жалеть! Так неужели ради этой пользы мы не можем чего-то ничтожного понести? Ну, что такого? Лишь бы душе не повредило.

Поэтому не нужно ни ругаться, ни ссориться, ни завидовать, ни злобствовать, ни расстраиваться, ни смотреть на то, кто как живет, что и как делает, не придавать значения очень и очень многому вокруг нас. Ну и что?

Будем веру свою укреплять. И, уж не говоря о большом, хотя бы по мелочам не вредить ни своей душе, ни своим ближним. Аминь.

12 августа 1995 г.